

Людмила СУЗИ

г. Хельсинки,
Финляндия

Мое счастливое детство...

Посвящаю моему внуку Максиму!

Как-то мне один молодой восемнадцатилетний человек, родившийся в Финляндии, сказал:
«У меня было трудное детство!»

И я задумалась, а какое же детство было у меня?

Ночью я села писать для тех, кто считает, что всё у них плохо, и родители их не любят, и нет в жизни счастья! Оторвалась от тетради, когда за окном рассвело и в дверном замке повернули ключ. Пришёл внук:

– Бабушка, ты что делаешь?

– Книгу пишу!

Мы сели рядом на диване, и я начала читать...

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Мы жили в Питкяранте. Первое, что вспоминается из детства, как лежу с родителями на полу, застеленном ватными одеялами, и мама кормит меня грудью. Отец в это время просовывает одежную щётку между моим ртом и соском, чтобы отучить меня от груди.

Не знаю, сколько мне было лет, но мама после говорила, что очень боялась забеременеть и давала мне грудь до трёх годиков, что не нравилось отцу. Считается, что кормящая женщина имеет меньше шансов забеременеть.

Помню, примерно в этом же возрасте я забежала на кухню в нашем заводском бараке, стремглав вскарабкалась на скамейку возле батареи парового отопления и, развернувшись, плюхнулась на трубы, не зная, что они были раскалённые.

Отец стоял рядом и курил возле окна. На его лице заиграла ехидная усмешка. Боль от ожога была адская! Я бросилась в нашу комнату за гусиным жиром, хранившимся в банке на полке синей общежитской тумбочки, намазала обожжённые ноги... и потеряла

сознание. Мама мне потом, взрослой, рассказывала, что она три месяца выхаживала меня, но этого я уже не помню. Следы от ожогов до сих пор видны даже спустя 60 лет, ведь паровое отопление намного мощнее водяного, температура запредельная.

КАК ПРИДОРΟЖНАЯ ТРАВА

Моя мама была очень набожной женщиной и не обращалась за помощью к медикам, лечила сама молитвами и народными средствами. Ни одной прививки мне в детском возрасте не было сделано, росла на козьем молоке и пирогах. В садик я не ходила, потому что мама работала в нашем же общежитии уборщицей, или, как тогда называли, техничкой. Вроде не так оскорбительно для уха.

Летом я ложилась на траву в палисаднике и смотрела на небо, пытаясь среди облаков найти неуловимого Бога, о котором тайком от отца мне рассказывала мама, укладывая спать. Правда, мне больше нравилось слушать её байки о домовых и леших, и я всё время просила её рассказать об этом.

Мной никто не занимался, и я росла как придорожная трава. Весь день слонялась по Молодёжному городку, где было 13 барачков, построенных военнопленными. Везде меня встречали как родную и приглашали в гости. Я могла заиграться до позднего вечера, пока меня с прутом и криком: «Я с тебя семь шкур спущу!» не загоняли домой.

Однажды я наблюдала странную картину, как наши соседи из 12-го барака, американские бездетные финны, принесли завернутую в тёплое одеяло девочку из детдома. Она была моих лет, но я-то уже ходила, а она нет!

Как же её любили приемные мама с папой! А ещё у неё была обворожительная и ласковая бабушка

Ауне Питкякангас, которая заботилась о ней так, что мне от зависти плакать хотелось.

Конечно же, я сразу зачастила к ним в гости, залежала на кресло-качалку, привезённую из Канады, и наслаждалась ароматом свежемолотого и свежезаваренного кофе. Деревянная кофемолка-мельница тоже была из Канады, и мне нравилось вертеть её ручку. С тех пор я полюбила и запах, и сам кофе.

Скоро Валуше соорудили в тесной однокомнатной квартире кукольный домик, где были разные игрушки. Со временем мы стали как сёстры.

Папа Петя души не чаял в дочке, но семья вскоре распалась из-за пристрастия родителей к алкоголю. Потом каждый из них создал свои семьи, в которых у каждого родились свои дети.

КАРТОШКА КРУЖОЧКАМИ

Алкоголь делал свое дело... Скандалы, ругань, царившие в наших домах, выгнали нас с Валею «на улицу». Мы часто прятались в дровяном сарае и делились своими обидами на взрослых.

Рядом с нами жила большая семья Пулкинени из семи человек, где было двое взрослых и пятеро детей, среди которых Ирья и Иван – старшие дети, а Элла, Саша и Надя – младшие. Их родителей звали Сэлма и тоже Иван!

Ирья была ровесницей моей сестры Лилии от первого брака моей мамы, они с ней вместе работали на заводе.

Иван рано женился и построил дом в Колтушах, а Элла, Саша и Надя приняли меня в свою команду. С утра я была уже у них и смотрела, как их мама – тётя Сэлма жарит кружочками картошку на чугунной сковороде, а потом все, и я в том числе, садилась за большой стол есть. Как же это было вкусно! Не брусочками, как у мамы, а кружочками! А ещё помню запах гречневой каши, тоже разогретой на сковороде! Пишу и ощущаю его! Потом мы все шли за ягодами и грибами по железнодорожной линии, взяв баночки и корзинки. А ещё ходили на пляж за 3 км от дома. И никто не боялся за нас. Домой приходили под вечер голодные и мокрые!

Когда была плохая погода, я приходила на склад коменданта общежития Капитолины Дмитриевны. Как же она меня любила! И называла Люкой! Посадит на тюфяки под самый потолок и пишет в своих бумагах, а я люблю её красотой. Потом она с дочерью Светой куда-то уехала, а мне купили говорящую «мама» куклу по имени Светлана, которая закрывала глазки.

Много лет спустя я встретила Капитолину Дмитриевну у нас в Питкяранте, она работала в киоске «Со-

юзпечати», а я в школе, и мы узнали друг друга. Детская память самая впечатлительная, она остаётся в сердце навсегда!

ВОСЬМИЛЕТНЯЯ НЯНЯ

Когда я немного подросла, меня начали «приучать» к труду. В мои обязанности входило нянчить двоих племянников. Валера и Серёжа называли меня не по имени, а «няня»!

В свои 8 лет я могла подмыть, переодеть ребёнка, подогреть смесь, уложить спать! Я даже специально выучила из «Родной речи» колыбельную Чайковского и до сих пор помню её.

Многие мы, послевоенные дети, умели тогда, что нынешние первоклассники не могут.

ПОДАРОК ОТ ЗАЙЧИКА

Я почти всё время жила у сестры Лилии, потому что дома жить не было никакой мочи из-за постоянных пьянок и дебошей отца, угрожавшего нам с мамой топорами и ножами. Мы прятались и в сарае, и под кроватью. Когда он был трезвый, родители уезжали за припасами в лес на заводской бортовой машине. Оттуда привозили полные вёдра черники, брусники и обязательно мне «подарок от зайчика» – пучок веток с ягодами.

На следующий день я должна была всю ягоду вычистить. На зиму для пирогов заготавливали бруснику бочками, а чернику – огромными заводскими бутылками. Также в деревянных бочках, ошпаренных кипятком, с можжевельновыми ветками, квасили капусту и солили грузди, волнушки, серушки...

После Иванова дня мама принесла ворох берёзовых веток и учила меня вязать веники, которые шли на корм козам Зинке и Майке, ведь сенокосы Хрущёв запретил! Ну и для бани – святое дело! Баня была на заводском острове, мы с мамой ходили в неё по субботам, мужчины – в воскресный день. И долго сидели в очереди.

Парилку я не любила. Меня насильно туда затаскивали, и я вопила благим матом! Зато, помывшись, выходили в предбанник, и мама покупала себе большую кружку бочкового пива, а мне маленькую – кваса! С трудом добирались до остановки автобуса, а зимой шли пешком по Ладоге напрямик.

Обязательно заходили в промтоварный магазин, в котором хозяйничал некто Хренов. Делали разные покупки. Покупали панталоны, платки, отрезки ткани – каждый раз по одному и тому же сценарию!

ЛЮБОВЬ К ТРУДУ И ЧТЕНИЮ

Зимой мама натягивала в коридоре нити для полова, и я должна была соткать его из заводского сукна. Сукно сначала распускали на нити, а нити красили. Краску заказывали в Эстонии. Я не знаю, привило ли любовь к труду такое воспитание или нет, но когда все играли на улице, я должна была выставить все фикусы и китайские розы на пол, спрыснуть водой и протереть листья, потом намыть три окна и после всего пол. И так каждую субботу!

К нам часто приходила продавец книжного магазина-книгоноша и раскладывала на столе красивые книги. Я помню, как я уговаривала маму купить мне тоненькую книжицу «Фома» С.В. Михалкова за 4 копейки! Она ни в какую! Баловство! Потом всё же смирилась, может, потому, что её отец покойный был Фома. Так началось мое увлечение чтением. Я начала читать запоем. Читала толстые детские и взрослые книги.

В детской библиотеке заведующая Александра Дмитриевна Чекмарёва говорила мне: «Люда! Тебе ещё рано читать такие толстые книги!» А я вставала ночью и читала под одеялом. Читала Достоевского, когда все играли под окном в бадминтон и кричали: «Людка, выходи!»

С 6 лет я сама записалась в театральные кружки. В Малой опере при Доме пионеров и играла Кнопочку в спектакле про Незнайку в Солнечном городе, а в 10 классе Жавотту из «Золушки» Н. Габбе у Надежды Сергеевны Тухиной!

Эти женщины, встретившиеся мне на жизненном пути, сформировали мой внутренний мир и характер! Получилось так, что очень многое я получила от посторонних людей...

Да, как бы сложно ни складывалась судьба, Господь все равно поведёт человека той дорогой, которая Ему нужна! Она не всегда прямая, и раз я выжила в этих условиях, значит, Бог есть! Я своей жизнью доказала это! И было ли мое детство трудным? Трудным, как у того восемнадцатилетнего человека, родившегося в Финляндии?

Не знаю... Легким и безоблачным – точно не было. Но счастливым – было!

ТАНГО МОЕЙ ЖИЗНИ

Тихо играет музыка – танго Рины Зелёной «Дождь идёт». На часах час ночи, а мне не спится, перебираю бумаги и документы, среди которых нашла единственную уцелевшую фотографию своей бабушки Кати Сузи. Мне было три года, а ей 54, когда она умерла, танцующая под любимую патефонную пластинку «Ах вы, улочки да переулочки!» и упав от раз-

рыва сердца на пол. Она очень любила слушать музыку и лихо отплясывать под неё!

Мы приехали в Сортавалу, где она жила, когда бабушку уже положили в гроб. Я одна бродила по скалам Тункула и собирала незабудки...

Вернувшись с букетиком, я положила его в изголовье гроба и услышала, как женщины зашикали: «Нельзя живые цветы покойнику класть!» Кто-то тихо сказал: «Детской рукой можно!» Так мои незабудки попали на тот свет вместе с бабулей!

ПЯТНАДЦАТИЛЕТНЯЯ ТЁТУШКА

У нас дома было много пластинок, и я их слушала на радиоле «Урал».

Как-то к нам в гости приехала младшая бабушкина дочь Роза, школьница, и я так развеселилась, прыгая на кровати, где лежали стопкой грампластинки, что упала на них и часть, конечно же, разбила! Ох и влетело же моей 15-летней тётушке-сироте за мой проступок от моего отца! Она же не уследила... Хотя в чем была её вина?

Мне до сих пор стыдно. Я помню её слёзы и не могу простить себе этот поступок.

МУЗЫКА ВО МНЕ

В детстве я много времени проводила возле радиоприёмника: я слушала все радиопостановки и спектакли, в том числе и оперные. На всю жизнь врезалось мне в память название оперы «Наливайка», а о чём она, конечно, не помню!

Ещё я любила слушать «Чио-Чио-сан», потому что в нашем магазине продавались такие конфеты и я копила фантики!

В первом классе нам делали прививку от оспы, и я слегла с высокой температурой. На третий день меня пришли проведать подружки Наташа и Таня. Я сразу ожила, задвигалась, включила музыку и пустилась в пляс! Мама только удивлялась и вздыхала, давно ли дочь в лихорадке металась и горела!

«Вот так больная!!!» – говорили девочки, выходя на улицу.

Трудно было понять им мою радость – радость ребёнка, перенесшего тяжелое недомогание и оправившегося от болезни. А пустилась я впрыскаю, потому что во мне заговорила моя бабушка Катя!

КАК Я СТАЛА ЛЮДМИЛОЙ

Когда я родилась, мама хотела назвать меня Кате́й, как бабушку, но отец воспротивился: «Старинное имя! Пусть будет Людмила!»

У него на спине была татуировка – портрет примы

Большого театра СССР Марии Максаковой, кумира тогдашних эзков, а у неё, как известно, дочь звали Людмилой, ныне актриса Вахтанговского театра, на встречу с которой я ездила в Петрозаводск, где проходили гастроли театра, и подарила ей цветы!

Так и живу с этим именем, не привыкнув к нему, правда, близкие люди в Финляндии называют меня на финский манер Лююли, но поменять в паспорте не решаюсь, слишком много мороки будет с документами.

УЛОЧКИ ДА ПЕРЕУЛОЧКИ

Много раз собиралась написать Виктору Тарскому в передачу «Встреча с песней!», чтобы нашёл запись бабушкиной любимой «Улочки да переулочки», да стесняюсь – люди серьёзные произведения просят включить в эфир, а я с дешёвкой как с писаной торбой ношусь! Но мелодию я слышу, она звучит во мне! Быть может, когда-нибудь отважусь. Вот такие воспоминания навеяло мне танго «Дождь идёт», а ведь совсем не собиралась сегодня полуношничать, просто готовила вещи к переезду в новый дом.

Наверное, это мой последний переезд в моей земной жизни, перед тем как вернуться домой к Отцу Небесному! За все дары и таланты благодарю Тебя, Отче наш! Ты единственный, кто любит, не завидуя и прощая за ошибки и промахи! Слава Тебе и хвала!

ТУРУХАНСКИЙ КРАЙ

22 апреля – второй день Пасхи Христовой – самый тяжёлый день в памяти моей мамы Анны-Марии Ряннель-Сузи. В этот день в 1931 году – первая волна репрессии – всю семью мамы, её родителей Анну Петровну и Фому Павловича, а также их старшего сына Пааво и младшую сестру Хилму в принудительном порядке выселили из их дома в Лемболово Ленинградской области, разрешив взять с собой в дорогу нехитрые пожитки, в основном то, что было приготовлено на Пасхальный стол, и в телячем вагоне отправили в Сибирь. Моей маме было 16 лет, учиться ей больше не пришлось. После долгих скитаний по Туруханскому краю, на баржах по рекам его их высадили в Маклаково, посёлок, известный как место ссылки революционеров, ну а в те годы – репрессированных по национальному признаку и как «кулачество», хотя никакой наёмной рабочей силы дед не использовал: вся семья работала на себя от зари до зари. Здесь они оба с бабушкой, которой был 51 год, а деду 53, умерли от голода, вернее от водянки.

ПО ВОЛЕ ГОСПОДА

Моя мама пошла работать переборщицей биржи, то есть таскала на себе брёвна, но на её плечах держалось всё: она не дала уйти в могилу от голода своим брату и сестрёнке, а наоборот, сумела купить корову и даже помогла Хилме получить педагогическое образование. Дважды в месяц они ходили отмечаться в комендатуру как политические ссыльные и неблагонадёжные граждане. В 1949 году мама с дочерью Лилией приехала в Карелию, завербовавшись на лесозаготовки, так как вернуться на родину в Лемболово им запретили, да и дома их не осталось, война уничтожила все следы его.

В Питкяранте мама оказалась по воле Бога. Она не переставала верить в Него ни на минуту, сохранила и привезла с собой Библию и молитвенные книги, каждый день слушала по радио Хельсинки и пела во весь голос псалмы, не боясь преследования и огласки со стороны соседей! Мама пошла работать уборщицей в мужское общежитие для рабочих целлюлозного завода, которое находилось в Молодёжном городке Питкяранты, чтобы иметь тёплый угол для себя и своей 15-летней дочери.

Но какого здоровья ей это стоило! С раннего утра ей надо было наносить вёдрами и наполнить огромный чан ледяной водой из колодца, чтобы собиравшиеся с утра на работу ребята смогли умыться и попить горячего чая. Воду она носила на коромысле, а третье ведро – в руке. Когда все уходили на завод, она намывала все десять комнат до блеска, хотя полы были некрашенные и их приходилось шоркать голиком из берёзовых прутьев, а потом ещё и длинный коридор.

После смерти Сталина в наш городок приехало много бывших заключённых, и в апреле 1953 года мама вышла замуж за моего отца, тоже финна, я появилась на свет 24 января 1954 года.

Я была последним ребёнком. Детей у моей мамы больше не было, так как, убирая осенью с огорода картошку и поднимая тяжёлые мешки, она надорвалась и у неё случилось выпадение матки, которую вручную ей поставил на место опытный врач-гинеколог, тоже из бывших ссыльных.

ДОЧЬ УБОРЩИЦЫ И ПЬЯНИЦЫ

Мама работала, а я росла прямо у неё на работе, дружила с молодёжью, любила смотреть, как печатает фотокарточки дядя Коля Кобзарев, а он меня катал на своём первом мотоцикле. По вечерам девушки пели на завалинке и вышивали полотенца и дорожки, я слушала их с замиранием

сердца и мечтала, что вырасту и тоже пойду работать, как и они, на завод. Но у Бога были на меня свои планы. Я поступила в университет на учителя! Мамины подруги удивлялись: «Дочь уборщицы и пьяницы получает высшее образование, а наши дети с трудом школу закончили!»

КОГДА СУТОК НЕ ХВАТАЕТ

После окончания университета я пошла работать учителем, но проработала всего 5 лет. К тому времени я разошлась с мужем и у меня на руках осталась дочь. И в какой-то момент я просто поняла, что не смогу работать спустя рукава, готова в доску разбиться, лишь бы всё успевать! Но мне не хватало 24 часов в сутках, я почти не спала, проверяя по 3 пачки тетрадей за ночь и готовясь к урокам. Но дочь тоже требовала внимания. Было просто необходимо найти работу, где у меня было бы хоть немного больше времени для семьи.

И я перешла работать в редакцию газеты.

Но и на этой работе я не могла жить припеваючи, всегда мне нужны были чужие заботы и трудности, за 20 лет я была и заведомо писем, и ответсеком, и редактором на радио, и просто корреспондентом, но в трудовой книжке у меня только одна запись – ректор!

КОГДА-НИБУДЬ ОНА МЕНЯ ПРОСТИТ

В 32 года у меня родился сын. Последние 10 лет перед пенсией я вообще не выходила в отпуск, просила оформлять вместо себя дочь, а

сама за неё работала, к тому же были непосильные депутатские нагрузки, что подорвало моё здоровье. У меня просто не было другого выхода, надо было кормить и одевать двоих детей без мужа. Я, естественно, мало бывала дома, все дела по воспитанию легли на мою маму...Теперь дочь на меня обижается, что я её недолюбила, но, может быть, она когда-нибудь поймёт и простит меня... Нам всем всегда приходится чем-то жертвовать! Когда я начала писать в архивы и собирать документы на переезд в Финляндию, у меня даже мысли не было уехать без мамы, и она очень ждала, когда подойдёт наша очередь, но она тянулась целых 12 лет, и моя мама тяжело заболела и умерла.

ТЕБЕ ПРОСТО ПОВЕЗЛО!

4 ноября 2018 года исполнилось 10 лет, как Суоми приняла нас в свою семью, здесь живут мои дети и внук Максим. Мы полюбили этот край и его людей! Мои соседи – финны ко мне очень хорошо относятся. Если ты будешь уважать людей, то и тебя будут любить! Кто-то мне сказал: «Тебе просто повезло!» А я за всё благодарю Бога!

□

Людмила Михайловна СУЗИ

родилась и выросла в г. Питкяранта Карельской АССР.

*В 1976 году окончила Петрозаводский госуниверситет,
филологический факультет.*

*Работала учителем русского языка и литературы,
сотрудником редакции*

районной газеты «Новая Ладога».

Член Союза журналистов России.

Печаталась в республиканских изданиях и в газете «Новая Ладога».

С 2008 года живет в Финляндии, Хельсинки.

Сотрудничает с русскоязычной газетой «Спектр».

В журнале «Север» публикуется впервые.

